

«Обидеть больно старого писателя»:
Рецепция Дмитрия Мережковского в эпистолярном наследии
Ивана Шмелева периода эмиграции

А.В. Мартынов

Аннотация: Анализ писем Ивана Шмелева (Ивану Ильину, Ольге Бредюс-Субботиной) позволяет проследить, как у писателя менялись оценки Дмитрия Мережковского, в связи с попыткой получить Нобелевскую премию по литературе. Одновременно прослеживается его влияние на формирование образа одного из создателей русского символизма в своем окружении. Так, в частности, несмотря на утверждение, что Мережковский – «позор» отечественной литературы – он стремился смягчить некоторые оценки писателя, которые философ Ильин намеревался включить в свою книгу о литературе эмиграции. Также на примере ответных посланий Шмелеву видна рецепция Мережковского в сознании консервативной части Русского зарубежья.

Ключевые слова: Иван Шмелев, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Ольга Бредюс-Субботина, Константин Бальмонт, Нобелевская премия.

Информация об авторе: Мартынов Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник НКО Общедоступный православный университет, основанный о. Александром Менем, Раушская наб., д. 4/5, 115035 Москва, Россия. E-mail: martyynov@yandex.ru

«Hurt painfully the old writer»:
the Reception of Dmitriy Merezhkovsky in the epistolary heritage
of Ivan Shmelev from his emigration period

Andrej V. Martynov

Abstract: An analysis of Ivan Shmelev's letters to Ivan Ilyin and Ol'ga Bredius-Subbotina allows one to trace how this writer changed his view on Dmitry Merezhkovsky because of his attempt to receive the Nobel Prize for literature. At the same time it is revealed how Shmelev influences the views of

people around on the image of one of the creators of Russian symbolism. Thus, for example, in particular, despite his claim that Merezhkovsky was «a shame» of Russian literature, Shmelev sought to mitigate a judgment on this writer, which the philosopher Ilyin had intended to include in his book about the emigration literature. Besides this, response letters to Shmelev demonstrate a reception of Merezhkovsky in the conservative part of the Russian Diaspora.

Keywords: Ivan Shmelev, Dmitriy Merezhkovsky, Zinaida Gippius, Ol'ga Bredius-Subbotina, Konstantin Bal'mont, Nobel prize.

Information about author: Andrej Viktorovich Martynov – PhD, Associate Professor of Alexander Men' Open Orthodox University, Raushskaja nab., d. 4/5, 115035 Moscow, Rossija. E-mail: martyynov@yandex.ru

На первый взгляд между Дмитрием Мережковским и Иваном Шмелевым было мало общего. Даже внешне они отличались. С одной стороны, спокойный невысокий бледный аристократ, казавшийся иностранцем, так что, по мнению философа Василия Розанова, «впечатление чужестранного было... физиологически сильно» [11, с. 146]. С другой – невзрачный Шмелев. Писатель-эмигрант Георгий Гребенщиков в свою очередь оставил следующий портрет писателя: «Неказист он был на вид, не высок, не дорожен, а сух; к тому же сутул, лицо даже неправильно, но сильно, выразительно, взгляд решительный, прямой, зоркий, жесты широкие, сиповатый голос басил, когда надо, вопил тенором; когда убеждал кого-либо или утверждал прямо и правду. Нервный, живой, подвижный и весь московский в слове» [7, с. 58]¹.

Отличается и картина мира писателей, их поэтика и аксиология: один из основателей русского декаданса, автор программной статьи «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1892) и писатель-реалист из немодного круга книгоиздательского товарищества «Знание».

Все это дало возможность тому же Василию Розанову с иронией отмечать: «В общем «литературная судьба» Мережковского красива; она не осмысленна, но эстетична. Стихи, романы, критика, религиозные волнения – все образует «красивый круг», в который с удовольствием всякий входит, не отдавая отчета, «зачем», «почему». Взять «том Мережковского» в руки – приятно. Всем приятно высказать: «А я стала читать Мережковского» или: «Я давно занимаюсь Мережковским». Что-то солидное. Что-то несомненно литературное» [11, с. 499]. В то время как Шмелев называл себя «горевым писателем» из-за того, что его книги игнорируют рецензенты [2, с. 134].

Вместе с тем анализ эпистолярного наследия Шмелева показывает не отрицательное, а скорее амбивалентное отношение к автору «Старинных октав». Наибольшая частотность упоминаний имени Дмитрия Сергеевича присутствует в переписке Ивана Сергеевича

¹ Ср. с письмом к О. Бредюс-Субботиной от 6–7 декабря 1941 г.: «я так некрасив, измятое лицо» [3, с. 320].

с философом Иваном Ильиным и художницей Ольгой Бредиус-Субботиной.

К этому же периоду относится и игнорирование Шмелевым в письмах Ильина резких оценок Мережковского и Гиппиус, хотя он честно признавался, «что у нас общего с Мережковскими, с неведомыми Вейдле... кому ближе “европа”» [8, с. 106]. В частности, он никак не комментирует следующую характеристику: «эта чета – злобная, растленная и отнюдь не белая» [8, с. 180]. В ранних письмах Шмелева Ильину Мережковский представлен довольно нейтрально. В письме от 23 декабря 1930 – 5 января 1931 года, касаясь присуждения Нобелевской премии Синклеру Льюису, он отмечал, что ошибкой было одновременно выставлять в качестве кандидатов Мережковского и Бунина. Также писатель сожалел, «что нет в Комитете никого, кто читает по-русски». Одновременно, Шмелев выражал намерение принять участие в борьбе за премию: «я тоже пройду с тенью по комитету – освоюсь. Одобряете этот жест наглости?» [8, с. 190]. Хотя и опасался, что ему «не легко будет состязаться с силами связей Мережковского и Бунина» в Нобелевском комитете¹ [8, с. 235].

Собственно отрицательные оценки Мережковского в эпистолярном наследии Шмелева относятся к периоду его борьбы за Нобелевскую премию. В письме от 6 февраля 1931 г., касаясь задуманного Ильиным цикла лекций («литературного курса») о современных русских писателях он делился своим видением автора «Смерти богов»: «Вот в Мережковском – я – *искренно* – ничего не слышу. Поддельный Скрябин какой-то с помесью пифии и зазывателя из паноптикума, которому вдруг пришло на зад (мысль?) – пугать и вещать, и бредить, а сам все в ящик с выручкой косится. И хочет порой душевное сказать, но “из книг сликает”, да переплетенных безграмотным переплетчиком, где и Евангелия листок, и Крафт-Эбинг, и ассирийская клинопись, и “новый песельник”, и “половой вопрос”, и Откровение Иоанна Богослова, и “самоновейшие фокусы” и иконография, и... бред из Ломброзо, и черти, и цветы. И *все* – сдобрено “заготовкой” на кубиках Магги, – в две минуты чашка *питательного!* бульона! И за *это* – хорошая выручка. Это величайшее из недоразумений века. Ох, начитанность порой большой порок! Когда класть некуда и не во что. Вот она медь звенящая! Но – в лому, а не в пятаке или, тем более, хотя бы в колоколышке» [8, с. 203–204]. А в письме от 6 августа 1932 г. Шмелев вновь возвращается к той же мысли: «Пифия сия, как жучок книгоед, – сам только питается-развлекается, да книги портит». Саркастически он отозвался и по поводу драмы Мережковского «Дмитрий Самозванец»: «читаю... и развожу ногами» [8, с. 226].

Также, реально имевшие место проблемы писателя с частью периодических изданий (в основном либеральной направленности), персонафицировались в сознании Шмелева с четой Мережковских. В письме

от 20 июня 1932 года он заявлял: «против меня ведется скрытый поход. В “левой части” печати “работают” Мережки, в правой – нет такой» [8, с. 278].

Одновременно Шмелев включается в предложенную Ильиным эпистолярную игру про «академию поэтической вседозволенности», сатирически изображавшую их недоброжелателей. Одним из них, естественно, стал Мережковский. Шмелев спародировал его книгу «Тайна трех: Египет и Вавилон»: «По-моему, Мережковский должен теперь написать на главу из Бытия роман-исследование: Том Второй: Тайна 3-х: Падение: Адам, Ева, Змий. Флирт ли Евы? Смысл флирта с религиозной точки зрения. Адамова ревность, как проявление своеволия. Древо – древний – дух-древо. Тайна древа-познания. Почему змий был стоячий? Где о сем намеки. Секрет обольщения. Змий – спермит, термит, гермит, гермофродит. Не символ ли тайны пола? Грех, как проблема <sic> познания. Атлантида – Рай – Змей. Почему “е”? Адам и половое самознание. (И все исходит из десяти строк Библии) – Плод – плоть – воплощение – в плоть. Два в плоть едину? Почему – едину? Ад-Лант-Ида. Медный Змий. Проблема Адамовой головы и головы Змия» [8, с. 308].

Ильин оперативно откликнулся на письмо Шмелева: «Как вы этого пустолоя Мережковского припечатали – насчет змия-змея etc!» [8, с. 309].

Впрочем, подобные филиппики не мешали автору «Богомоля» живо интересоваться творчеством Мережковского. Несколькими месяцами ранее он писал Ильину, продолжавшему работу над лекциями: «очень бы я хотел прочесть *Ваше* о Бунине, Ремизове и... Мережковском. Положил бы на сердце, поверьте. Вас читать – учиться, да, да, да. А я хочу учиться» [8, с. 264]¹.

Тем не менее завершение нобелевского цикла 1932 года, в результате чего лауреатом был объявлен Джон Голсуорси, вызвало у него двойственные чувства: «“Пара гнедых”... – только и есть литературы русской! Бунин – да, за него я, как русский, не постыдился бы. Но получи Мережковский... – *позор!* *Такой...* представитель родной литературы! Нет, пусть совсем не дают, но не *такому* выражать, представлять Дух и Плоть русской литературы. Подлинная, она никогда не была ни “кликушей”, ни болтушкой, ни “мудрилкой”, ни “низалкой”, ни... “подделкой”, ни – ремеслом потливым, ни ерничеством-хитрюгой. И я... доволен, что никому не дали» [8, с. 338]. Одновременно Шмелев приводил циркулировавшие в Русском зарубежье слухи (о «современных литературных нравах»), о том, как Мережковский, не получив премии, говорил о своей финансовой несостоятельности [8, с. 347–349].

Когда через год Нобелевская премия была присуждена Бунину, Шмелев, раздраженный эгоцентризмом речи лауреата во время ее вручения, утверждал в письме Ильину от 17 декабря 1933 г.: «Уверен: Мережковский при всем его “словоблудстве” *мог бы тут* сойти за пророка и сказать *гордо* и *горько* – правду. Пусть не достигло бы цели, но

¹ См. также письмо от 21 октября 1931 г. [8, с. 230].

¹ См. аналогичные просьбы в письмах от 2, 7 и 15 июля 1934 г. [8, с. 469–471].

надо было сказать... Бунин не сказал ни словечка о русской литературе. Его “поправил” (да!) сам Король: “радуюсь за вашу литературу”» [8, с. 427–428].

В последующем, упоминание имени Мережковского в письмах Шмелева сократилось. Так, например, в письме от 16 августа 1934 г., касаясь мемуаров «Начало века» Андрея Белого, он признавался: «никогда не терпел Андрея Белогорячечного, как Буренин окрестил А. Белого. Бормотун-шаман и искренний до слез пакостничек, “всего-искатель”, чистейший выродок-выкидыш развратницы-аристократки и полусумасшедшего математика, может быть, очень тонкого-чудака-математика... – словом, – “цветок”, который только могла дать наша вырождающаяся интеллигенция... Но этот выкидыш, с цыплячьим пухом на кочерыжке, зло и верно изобразил многих представителей плесени подлой нашей! И Мережковских, и...» [8, с. 481–482].

Одновременно, Шмелев предостерегал своего друга от излишне резких оценок Мережковского. В письме от 18 апреля 1938 г. он, выражая удовлетворение, что автор «Мессии» выпал из окончательного плана книги «О тьме и просветлении» («за неприличием и ненужностью»), писал: «обидеть – больно старого писателя. Трудов много положил, только ведь все... как-то... *пригоняет*. Во всяком случае, другого такого не сыщете» [9, с. 224, 228–229].

18 июля 1935 года он вспоминал, как Мережковский и Бунин «отстранили» его от гранта писателям от французского правительства [9, с. 80].

Изредка Шмелев упоминал Мережковского и после кончины последнего. Так, в письме от 8 февраля 1947 г. вспоминал, что после публикации «Богомолья», «Мережковские смирились», оценив роман [10, с. 31]. А годом позже, составляя шуточный «самоновейший сонник» в письме от 25 марта 1948 г. Шмелев писал, что если «во сне видел... Мережковского – холодный кипяток¹ хлебал» [10, с. 295].

В переписке с Бредиус-Субботиной имя Мережковского впервые возникает 21 октября 1941 г. в бытовом контексте: «Сегодня от Мережковского ко мне “посол”, зондируют, как я насчет продажи “авторских”. Им *нужно*, очень, – *мою* инициативу. Сказал: готовые деньги мне нетрудно брать, – сами придут» [3, с. 189].

В основном имя писателя появляется уже после его смерти. В уже цитированном письме от 6–7 декабря Шмелев так откликнулся на кончину своего оппонента: «Сейчас узнал: сегодня утром (7-го) умер Д.С. Мережковский, 76 л. Вдруг??» [3, с. 320]. В ответ в письме от 1 января 1942 г. Бредиус-Субботина отозвалась на смерть автора «Воскресших богов» более эмоционально: «Мне жаль, что умер Мережковский, – еще один ушел!» [3, с. 391]. Последнее представляется парадоксальным утверждением, если учесть ее последующую оценку писателя: в письме от

¹ Перифраза из «Героя нашего времени» М. Лермонтова «холодный кипяток нарзана» («Княжна Мери»).

21 января 1944 года художница сравнивала писателя-символиста с прозаиком Василием Никифоровым-Волгиным: «Меня рвет с него, хуже еще, чем с Гиппиус и Мережковского...» [4, с. 280].

Критическое отношение к Мережковскому проявилось у Шмелева и в письмах к Ольге Александровне. Так в письме от 15 января 1942 года он следующим образом охарактеризовал писательскую работу Дмитрия Сергеевича: «“Из книг сличал”. Склеивал, по нужному рецепту: тезис, антитезис, синтез, так во всем» [3, с. 433].

Подобным рационализмом, в сознании Шмелева, Дмитрий Сергеевич смыкался с Ильиным. В письме от 31 августа 1943 года он признавался: «Иван Александрович *чего-то* лишен... – знай, я его люблю, чту, и *ничего* тут не примешано, клянусь! Он может *все* понимать, чувствовать, но... сам *не* может дать так, – он лишь теоретик, эстетик, мыслитель... вдохновенный даже, пророк даже, но не... художник. Он “диалектик” и в любви, но... *не любовник, не муж, не отец!* Он может любить возвышенно и тонко, но... ни “жасмина”, ни “черемухи”, ни “малины” не даст, и сам *не* услышит – полностью. Он бурен, может быть даже *страстен*... но он – “холодный кипяток”¹, как метко выразился о Мережковском не то Бальмонт, не то Амфитеатров» [5, с. 79].

Касался Мережковского Шмелев и в контексте работы Ильина о русских писателях. В уже цитированном письме от 15 января он вспоминал, как Ильин: «выбрал четыре: Бунина, Ремизова, Мережковского, меня. Дал мне прочесть. Меня – вознес очень высоко. Бунина – проанатомировал умно, отметив “родовую сексуальность”. Ремизова – *так*, пощекотал. Мережковского – буквально... *раздавил!* – в ничто. Я ему сказал: *зачем?* Убьет вас “кирпичом” – у него тома тяжелые, например “Атлантида”, – он, ведь, выбирал “самое кричащее”, – привлечь. И.А. решил Мережковского выпустить, т. е. выкинуть из книги» [3, с. 433–434]².

В определенной степени Шмелев закончил свой спор с писателем, описав его могилу на легендарном кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в письме к Бредиус-Субботиной от 18 августа 1943 года: «Видел памятник Мережковскому. Ну, понятно, выкрутасный, с претензией... как и все в авторе этом. Ну, и, конечно, по вкусу ломачи Зины, и по проекту... понятно, Бенуа. Всегда они были мне чужды, эти Бенуа, Баксты, Грабари... и прочие “мутные”. Потуги много, притязательности, манерности... – много и фанфар, ибо все они мазаны масонским миром, все – рука в руку, все в ладах с жидовской клакой, все напористые, все в окружении снобов и снобесс, все “либр-пансеры”³, и все попадают в “колюмбарии”, пройдя через противень... – сатане на жаркое. Накрутил А. Бенуа Мережковскому “мавзолей”: крестик, главка, – золотенькие, венчают

¹ См. также письмо Шмелева к Бредиус-Субботиной от 15 января 1942 г. [3, с. 433].

² Вероятно, речь идет о встрече Ильина и Шмелева в Берлине в первой половине октября 1936 г.

³ Вольнодумец – от фр. libre penseur.

Наполеонову треуголку, которая, под белый камень, изображает якобы кровлю – храмик, под ней ниша, в нише, очень глубокой, “Троица”, под рублевскую, под ней, “папертка” – из трех белых каменных брусков, как порожек, спереди прямоугольник – собственно “могила”, а в нем – окруженная прямоугольной канавкой, белая плита с надписанием фамилии и даты. Под “Троицей” – “Да придет Царствие Твое”. Словом, – “под Мережковского”. В канавке будет, понятно, буксус... – “вечно-зеленое”» [5, с. 204–205].

В последующем, количество упоминаний также уменьшается. 26 июля 1944 года он писал: «тянет к евангельскому, перечитываю Мережковского “Иисус Неизвестный” – 2 т., но не рассуждения его мне нужны, а собранный им огромный матерьял – аграфы, апокрифы, “Отцы Церкви и критика”. Читаю по малости, а вперемежку – Достоевского» [5, с. 65]. А 4 апреля 1946 г. возвращается к сюжету, который рассказывал и Ильину: «С Мережковским и Гиппиус (после десятилетнего расхождения) возобновились отношения, когда они прислали мне письмо о “Богомолье”» [5, с. 119].

Из других адресатов Шмелева, с которыми он делился своими мыслями о Дмитрие Сергеевиче, стоит выделить доктора Сергея Серова, лечившего прозаика. В шуточном послании от 27 августа 1930 года он сравнил чтение Мережковского с гимнастическими упражнениями (в то время как Гиппиус там же была названа «инфекцией») [1, с. 394].

Вероятно, имя Мережковского также упоминалось и в его переписке с Антоном Карташевым и Константином Бальмонтом. В известных письмах к Ивану Сергеевичу Антон Владимирович оправдывался по поводу своей былой причастности к кругу Мережковского. Он мотивировал последнее своим желанием изучить богемную среду [12, с. 188]. В случае же с письмами Константина Дмитриевича присутствовали филиппики в адрес не только автора «Грядущего хама», но и его супруги: «Мережковского я органически не переношу. Мертвые лошадиные челюсти из конюшни, именуемой Схоластика. Еще менее... я выношу Зинку Мазаную. Вся – из злобы, подковырки, мыслительного кумовства, местничества, нечисть дьявольская, дрянь бесполоая», что, впрочем, как и в случае Шмелева, не мешало общению автора «Горящих зданий» с его оппонентами [6, с. 85, 229].

Анализ писем Шмелева (Ивану Ильину, Ольге Бредиус-Субботиной, Сергею Серову) позволяет проследить, как у него менялись оценки Мережковского, и, одновременно, как писатель влиял на формирование образа автора «Воскресших богов» в своем окружении. Одновременно, на примере ответных посланий Шмелеву, видна рецепция Мережковского в сознании части Русского зарубежья. Несмотря на взаимные критические оценки между Шмелевым и Мережковским сохранялся, пусть и в дискретном варианте, диалог. Представляется, что имевшиеся возможности для более продуктивного культурного диалога между ними так и не были реализованы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белевцева Н.П. Письма И.С.Шмелева доктору С.М.Серову – прототипу врача в романе «Иностранец» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. М.: Русский путь, 2010. С. 385–476.
2. Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.: Изд-во Logos, Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 240 с.
3. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2003. 760 с.
4. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005. 856 с.
5. И.С. Шмелев и О.А. Бредиус-Субботина: Роман в письмах. Т. 3. Ч. 2. М.: РОССПЭН, 2006. 1096 с.
6. Константин Бальмонт – Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения. 1926–1936. М.: Наука, Собрание, 2005. 432 с.
7. Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. Мюнхен: [б.и.], 1956. 128 с.
8. Переписка двух Иванов (1927–1934). М.: Русская книга, 2000. 560 с.
9. Переписка двух Иванов (1935–1946). М.: Русская книга, 2000. 576 с.
10. Переписка двух Иванов (1947–1950). М.: Русская книга, 2000. 528 с.
11. Розанов В.В. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1995. 734 с.
12. Суrowова Л.Ю. Писатель и богослов: Письма А.В. Карташева И.С. Шмелеву // Поэзия русской жизни в творчестве И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 190 с.

REFERENCES

1. Belevceva N.P. Pis'ma I.S.Shmeleva doktoru S.M.Serovu – prototipu vracha v romane «Inostranec» [I.S. Shmelev's letters to Dr. S.M.Serov – a prototype of the doctor in the novel «Foreigner»]. *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenitsyna* [Yearbook of the House of Russian emigration in the name of Alexander Solzhenitsyn]. Moscow, Russkij put' Publ., 2010, pp. 385–476 [In Russ.].
2. Vishnjak M.V. «Sovremennye zapiski»: Vospominaniya redaktora [«Modern notes»: editor's memories]. Saint Petersburg, Izd-vo Logos Publ., Djussel'dorf, Goluboj vsadnik Publ., 1993. 240 p. [In Russ.].
3. I.S. Shmelev i O.A. Bredius-Subbotina: Roman v pis'mah [I.S. Shmelev and O.A. Bredius-Subbotina: a Novel in letters]. Vol. 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 760 p. [In Russ.].
4. I.S. Shmelev i O.A. Bredius-Subbotina: Roman v pis'mah [I.S. Shmelev and O.A. Bredius-Subbotina: a Novel in letters]. Vol. 2. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 856 p. [In Russ.].
5. I.S. Shmelev i O.A. Bredius-Subbotina: Roman v pis'mah [I.S. Shmelev and O.A. Bredius-Subbotina: a Novel in letters]. Vol. 3/2. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 1096 p. [In Russ.].
6. Konstantin Bal'mont – Ivanu Shmelevu. Pis'ma i stihotvorenija. 1926–1936 [Konstantin Bal'mont to Ivan Shmelev. Letters and poems. 1926–1936]. Moscow, Nauka Publ., Sobranie Publ., 2005. 432 p. [In Russ.].

7. *Pamjati Ivana Sergeevicha Shmeleva* [In the memory of Ivan Sergeevich Shmelev]. Munich, [n.p.], 1956. 128 p. [In Russ.]
8. *Perepiska dvuh Ivanov (1927–1934)* [The correspondence between two Ivans (1927–1934)]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000. 560 p. [In Russ.]
9. *Perepiska dvuh Ivanov (1935–1946)* [The correspondence of the two Ivans (1935–1946)]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000. 576 p. [In Russ.]
10. *Perepiska dvuh Ivanov (1947–1950)* [The correspondence of the two Ivans (1947–1950)]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2000. 528 p. [In Russ.]
11. Rozanov V.V. *O pisatel'stve i pisateljah* [About writers and writing]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 734 p. [In Russ.]
12. Surovova L.Ju. Pisatel' i bogoslov: Pis'ma A.V. Kartasheva I.S. Shmelevu [Writer and theologian: A.Kartashev's letters to Ivan Shmelev]. *Pojezija russskoj zhizni v tvorchestve I.S. Shmeleva* [Poetry of Russian life in Shmelev's works]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011, pp. 179–190. [In Russ.]